

Карпук Галина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы
г. Гродно, Беларусь

Galina Karpuk

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus
halina-karpuk@yandex.ru

СРЕДСТВА ИНТЕНСИФИКАЦИИ
РЕЧЕВЫХ АКТОВ НЕПРОЩЕНИЯ
В РУССКОЯЗЫЧНОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

MEANS OF THE INTENSIFICATION
OF SPEECH ACTS OF UNFORGIVENESS
IN RUSSIAN INTERPERSONAL COMMUNICATION

Статья посвящена рассмотрению вербальных и невербальных средств интенсификации речевых актов непростения в русскоязычных диалогических контекстах. В числе вербальных средств, обладающих интенсифицирующим значением, выделены и рассмотрены местоименные слова, наречия времени, существительные-пейоративы; метакоммуникативные РА; негативно окрашенные РА упрека, угрозы, обвинения, божбы; негативная интерпретация мыслей и действий адресата; стилистические средства. Фонационные, физиологические и кинесические элементы выступают в роли невербальных средств интенсификации речевых актов непростения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : непростение; речевые акты непростения; интенсификация; вербальные и невербальные средства интенсификации.

The article is devoted to verbal and non-verbal intensification of speech acts of unforgiveness in Russian dialogical contexts. In the paper, the following verbal intensifying means are identified and considered: pronouns, adverbs of time, nouns (pejoratives); metacommunicative speech acts; negative speech acts of reproach, threat, accusation, swearing; negative interpretation of the thoughts and actions of an addressee; stylistic means. Phonation, physiological and kinesic elements act as non-verbal intensifying means and are characterized by negative colouring.

Key words: unforgiveness; speech acts of unforgiveness; intensification; verbal and non-verbal means of intensification.

Проблематика непростения является междисциплинарной: находится на стыке лингвистики и психологии, философии и теологии. Непрощение проявляет себя в эмоциях гнева, отвращения, презрения, в ситуациях фрустрации, в злопамятстве, в желании мщения, в чувствах зависти и ревности. В частности, субъект гнева зачастую испытывает низкий уровень самоконтроля и высокую степень импульсивности, уверенности, напряжения [1, с. 253], что способствует порождению речевых актов (РА) непростения. Данные речевые акты, будучи конфликтогенными по своему происхождению, могут сопровождаться выражением вербальной и/или невербальной агрессии.

В христианстве прощение и злопамятство часто рассматриваются как синонимы. Непрощение, месть, клятва (в том числе божба как ее разновидность) связаны с ветхозаветным мышлением: «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб...» (Лев. 24 : 20) [2, с. 144]; «Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи, и Его именем клянись» (Втор. 6 : 13) [Там же, с. 206]. Новозаветный подход иной. Христианское мировоззрение предполагает прощение людьми своих обидчиков, и именно при этом условии возможно прощение Богом самих обидчиков (слова в молитве «Отче Наш»: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим») (Мф. 6 : 12) [Там же, с. 8]. Иисус Христос также отменил клятву («А Я говорю вам: не клянись вовсе...») (Мф. 5 : 34) [Там же, с. 7].

В настоящей статье рассматриваются вербальные и невербальные средства интенсификации речевых актов непростения в русскоязычных диалогических контекстах, взятых из художественных произведений. Интенсификаторы – слова, «предназначенные для усиления признака, выраженного другими словами»; «средства, обеспечивающие движение от ординарного уровня в пределах положительного вектора шкалы интенсивности» [3]. Смысловое содержание языковой категории интенсивности формируется посредством понятийных категорий качества, количества, меры и степени [Там же]. Категория интенсивности тесно связана с категориями экспрессивности, эмоциональности, оценочности [4]. Ситуация непростения – это эмоционально негативная ситуация. В речевом акте непростения говорящий субъект проявляет свое злопамятство (*не прощаю, помню*). В рассматриваемых речевых актах зачастую используются тематические глаголы в отрицательной форме: *не оставлю, не прощу/не прощаю, не забуду* и т.д. Под тематическим нами соответственно понимается глагол, имеющий значение непростения.

Как свидетельствуют исследуемые контексты, вербальные и/или невербальные реакции адресата на выражение адресантом своего непростения могут быть следующими: самооправдание; робость, удивление, непонимание; гнев, ярость; совет-поучение; призыв к действию и т.д. В ряде ситуаций выражение вербальной и/или невербальной реакции адресата на речевой акт непростения может отсутствовать.

Как показал проведенный анализ, в русскоязычных диалогических контекстах вербальные средства интенсификации речевых актов непростения включают лексику, представленную местоименными словами, наречиями времени, существительными-пейоративами. Речевые акты непростения усиливаются и другими РА: метакоммуникативными РА; негативно окрашенными РА упрека, угрозы, обвинения, божбы; негативной интерпретацией мыслей и действий адресата. РА непростения насыщены разнообразными стилистическими средствами, имеющими интенсифицирующий потенциал: восклицательные конструкции, градация и т.д. Вышеперечисленные средства интенсификации различным образом сочетаются между собой. Фонационные

(слезы злобы в голосе и т.д.), физиологические (побледнение) и кинесические (дрожь и т.п.) элементы выступают в роли невербальных средств интенсификации речевых актов непростения, могут сопровождать и усиливать вербальные средства. Невербальные средства интенсификации исследуемых речевых актов имеют преимущественно подсознательное выражение (их проявление находится вне сферы контроля сознания) и характеризуются преобладанием негативной окраски.

Интенсификация посредством местоименного слова может быть проиллюстрирована фрагментом (1):

(1) – *Пустите руку! Как вы смеете! Мне больно! **Негодяй!***

Ниночка Ряднова вырвалась из жилистых дрожащих рук старого Мишкина и выбежала в общую комнату, где занимались другие служащие службы тяги.

Волосы у нее сбились в сторону и левая рука, выше локтя, немилосердно ныла.

– *Мерзавец, – прошептала Ниночка. – **Я тебе этого так не прощу*** (А. Аверченко. Ниночка).

В данном контексте в сочетании с пейоративами (*негодяй, мерзавец*) местоименное слово *так* привносит в высказывание экспрессию [5].

В роли интенсифицирующих элементов выступают наречия времени:

(2) *Пропустив графиню в палатку, король Карл сказал ему сквозь зубы:*

– ***Этого я вам долго не прощу.** – И Беркенгельму: – Найдите, черт возьми, какой-нибудь говядины для этой особы...* (А. Н. Толстой. Петр Первый).

Наречие *долго*, используемое в приведенном контексте, имеет значение ‘в течение продолжительного времени’ [6, с. 404], т.е. значение неопределенной длительности, некоторой степени признака действия непростения. Фонационные особенности речевого акта непростения представлены отрицательным компонентом (*сказал ему сквозь зубы*).

В определенных случаях в целях интенсификации используется наречие *никогда*, имеющее значение бесконечной длительности со знаком «минус»:

(3) *Возвратясь в гостиную, Варвара Петровна сначала молчала минуты три, что-то как бы отыскивая на столе; но вдруг обернулась к Степану Трофимовичу и, бледная, со сверкающими глазами, процедила шепотом:*

– ***Я вам этого никогда не забуду!***

На другой день она встретила со своим другом как ни в чем не бывало; о случившемся никогда не поминала. Но тринадцать лет спустя, в одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула его, и так же точно побледнела, как и тринадцать лет назад, когда в первый раз попрекала (Ф. М. Достоевский. Бесы).

В контексте (3) наблюдается предельная степень признака действия непростения: *никогда* = *ни в какое время, ни при каких обстоятельствах* [Там же, с. 1041]. В свою очередь, невербальные средства выражения непростения включают неискренние и резкие движения (*что-то как бы*

отыскивая на столе; вдруг обернулась), мимические (*со сверкающими глазами*), физиологические (*бледная, побледнела*) и фонационные средства. Последние характеризуются тоном голоса (*шепотом*), темпом (*звукотдражательным глаголом говорения процедила*) и восклицательной интонацией.

В качестве средств интенсификации также функционируют метакоммуникативные РА, негативно окрашенные РА упрека, негативная интерпретация мыслей адресата, пейоративы. Интенсифицирующие элементы в речевом акте непростения в рамках контекста могут взаимодействовать в реализации такого средства усиления, как градация. В контексте (4), насыщенном средствами интенсификации выражаемого непростения, градация реализуется через числительное, наречие, повтор, инверсию, пейоратив и метакоммуникатив (*И десять лет проси – не прощу. Никогда я тебя, развратница, не прощу. Слышишь, никогда!..*):

(4) – *Что же, Иван Сидорыч, я как перед Богом... Моя вина... Пятый год прошу прощения у вас.*

Она заплакала тихо, тоненько и жалобно. Но ее слезы только еще более раздражили мужа. Он от них пришел в ярость.

– И десять лет проси – не прощу. Никогда я тебя, развратница, не прощу. Слышишь, никогда!.. Зачем ты мне не призналась? Зачем ты меня обманывала? Ага! Ты думала, я чужие грехи буду покрывать? Вот, мол, дурак, слава богу, нашелся, за честь сочтет чужими объедками пользоваться. Да ты знаешь ли, тварь, я на купеческой дочке мог бы жениться, если бы не ты... Я бы карьеру свою теперь сделал. Я бы...

– Да ведь не сама я, Иван Сидорыч, – отвечала, всхлипывая, женщина, – не своей охотой я пошла-то за вас. Вы сами знаете, как меня маменька была в то время (А. И. Куприн. Ночлег).

В анализируемом контексте раскрывается сильное недовольство субъекта непростения, наблюдается вербальная агрессия. Через пейоратив (*развратница*) супруг акцентирует недостойное поведение супруги до замужества. Иными словами, «возмущающаяся языковая личность <...> выражает внутреннее чувство злости, гнева, вызванное нарушением принятых в данном социуме норм» [7, с. 8]. В дореволюционный период общественной нормой было отсутствие между мужчиной и женщиной интимных отношений до венчания. За собственно речевым действием непростения следуют упреки и интерпретация мыслей адресата. Последнему приписываются мысли отрицательного характера: *Ага! Ты думала, я чужие грехи буду покрывать? Вот, мол, дурак, слава богу, нашелся, за честь сочтет чужими объедками пользоваться.* Разговорное междометие *ага* передает определенное торжество и злорадство [6, с. 9] супруга в связи с раскрытием замысла супруги. Упреки усиливаются повтором, инверсией, метакоммуникативом (*знаешь ли*), пейоративом (*тварь*). Реакция адресата – самооправдание.

В следующем контексте несмотря на свой смягчающий потенциал литота, посредством которой реализуется речевой акт минимизации, может выступать в роли интенсифицирующего элемента, привнося в речевой акт контрастность:

(5) *Когда брякнула: «Мамаша всегда меня ненавидела, с самой свадьбы, мало я слез пролила», – Петр резко оскалился и начал надевать башмаки...*

– Петруша, дырявый – гляди, перемени чулки, господи...

– Видал дур, но такой... Ну, ну... (У него тряслись руки). Это я тебе, Дуня, попомню – маменькину смерть. Раз в жизни у тебя попросил... Не забуду...

И, выйдя, так хватил дверью, – Евдокия съежилась. И долго еще дивилась перед зеркалом... Ну что такое сказала?.. Бешеный, ну просто бешеный (А. Н. Толстой. Петр Первый).

В данном контексте интенсификация происходит за счет того, что неуспешной оказалась единственная просьба субъекта непростения (*Раз <...> попросил*) в очень тяжелый для него момент жизни. На вербальном уровне в контексте присутствует пейоративная характеристика, содержащая интенсификатор (*такой*) и негативную оценку-градацию (*Видал дур, но такой... Ну, ну...*). Междометие разговорного характера *Ну, ну* выражает удивление, неодобрение [Там же, с. 1053] и осуждение адресата. Наблюдаются и такие стилистические средства, как инверсия и синонимический повтор в функционировании тематических глаголов (*попомню, не забуду*). Невербальные средства интенсификации речевого акта непростения реализуются через негативно-агрессивные мимические средства (*резко оскалился*) и жесты. Последние представлены дрожью (*тряслись руки*) и применением силы в движении (*так хватил дверью*). Наблюдается невербальная реакция адресата – робость, удивление и непонимание ярости адресанта (об этом свидетельствуют: глаголы *съежилась, дивилась*; риторический вопрос; повтор прилагательного *бешеный* и интенсификатор *ну просто*):

Речевой акт непростения может интенсифицироваться негативными речевыми действиями угрозы (является средством выражения агрессии) и божбы:

(6) *– Все это ты врешь, отец! – взвизнула Илька, топнув ногой. – Ты врешь! Твоим губам нет дела до ее уродства, до ее природы! Нам нет дела! Ты все это говоришь только потому, что мне вредно сердиться. Но я ей покажу! Я ей не... не прощу! Пусть меня Бог накажет, если я прощу ей эту обиду!*

– Кому бы другому, а не тебе, ягненок, так храбриться! Ягненку храбриться против волка – значит только терять напрасно слова... Замолчим лучше!

Илька поднялась, накинула на плечо ремень арфы и подбородком указала на тропинку.

– Отдохнуть разве не хочешь? – спросил отец.

Илька промолчала (А. П. Чехов. Ненужная победа).

В представленном контексте непростение, адресованное третьему лицу, не участвующему в разговоре (графине), может быть рассмотрено в качестве соответствующего речевого акта непростения. События, предшествующие контексту (6) в произведении А. П. Чехова «Ненужная победа», содержат неоднократные указания на состояние обиды и гнева, желание мести со стороны субъекта непростения (Ильки) во время пребывания с адресатом (отцом). Иными словами, адресат с самого начала знает о данном состоянии непростения, поэтому анализируемый речевой акт содержит в большей степени не сообщение о непростении, а само непростение, сопровождаемое эмоционально-экспрессивными средствами.

В приведенном контексте (6) божба, выступающая как средство усиления речевого акта непростения, относится нами к отрицательно окрашенным речевым актам. Непрощению (*Я ей не... не прощу!*) предшествует угроза: *Но я ей покажу!* За непростением следует божба, содержащая, в свою очередь, элемент непростения: *Пусть меня Бог накажет, если я прощу ей эту обиду!* Последовательность данных речевых действий (угрозы, непростения, божбы) в определенной степени носит градиционный характер. В анализируемом контексте речевой акт непростения также интенсифицируется повтором отрицательной частицы, повторяющимся обвинением во лжи (*ты врешь*) и последовательностью восклицательных конструкций. В контексте также присутствует интерпретация речевых действий собеседника (*Ты все это говоришь только потому, что мне вредно сердиться*), обладающая интенсифицирующей окраской. Невербальные средства интенсификации речевого акта непростения являются в данном контексте негативно-агрессивными и включают фонационные (звукоподражательный глагол *взвизгнула*) и кинесические (*топнув ногой*). Реакция адресата – совет-поучение и призыв к совместному действию (*Замолчим лучше!*), оказавшийся успешным речевым актом. Об успехе свидетельствуют кинесический компонент дейктического характера (*подбородком указала на тропинку*) и прекращение речевых действий (*промолчала*).

В числе интенсифицирующих средств может выступать отрицательно окрашенная интерпретация собственно действий адресата:

(7) *Когда они кончили фигуру, ее лицо опять сразу приняло сердитое выражение, «точно у разозленного насекомого», – подумал Ромашов.*

– Я этого не прощу вам. Слышите ли, никогда! Я знаю, почему вы так подло, так низко хотите уйти от меня. Так не будет же того, что вы затеяли, не будет, не будет, не будет! Вместо того чтобы прямо и честно сказать, что вы меня больше не любите, вы предпочитали обманывать меня и пользоваться мной как женщиной, как самкой... на всякий случай, если там не удастся. Ха-ха-ха!..

– Ну хорошо, будем говорить начистоту, – со сдержанной яростью заговорил Ромашов. Он все больше бледнел и кусал губы. – Вы сами этого захотели. Да, это правда: я не люблю вас (А. И. Куприн. Поединок).

В приведенном фрагменте (7) наблюдается усиление через метакоммуникативный РА (*слышите ли*), наречие времени (*никогда*) и интерпретацию действий адресата. Данная интерпретация принимает форму обвинения, указания на низкое, подлое поведение собеседника (*Я знаю, почему вы так подло, так низко хотите уйти от меня*) и обман с его стороны; обвинение содержит некоторый оттенок градации (*вы предпочитали обманывать меня и пользоваться мной как женщиной, как самкой*). Присутствует повторяющееся так, выступающее в роли интенсификатора (градатора) [3] и имеющее предельную степень проявления признака действия. В приведенном контексте наблюдается повтор глагола *быть* с отрицательной частицей и восклицательные предложения. Вербальное выражение гнева сопровождается негативными мимическими (*сердитое выражение, «точно у разозленного насекомого»*) и фонационными (*Ха-ха-ха!..*) средствами. Ответной реакцией на непощение стала сдержанная ярость собеседника, переданная через физиологическую реакцию усиливающегося побледнения (*все больше бледнел*) и мимику (*кусал губы*).

Таким образом, вербальные средства интенсификации речевых актов непощения включают лексику, представленную местоименными словами, наречиями времени, существительными-пейоративами. РА непощения усиливаются метакоммуникативными РА, негативно окрашенными РА, негативной интерпретацией мыслей и действий адресата. РА непощения пронизаны интенсифицирующими стилистическими средствами, из которых значимую роль играют восклицательные конструкции и градация. Фонационные, физиологические и кинесические элементы выступают в роли невербальных средств интенсификации речевых актов непощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Изард, К. Э.* Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, 2008. – 464 с.
2. Библия, или книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. – М. : Российское библейское общество, 1995. – 1197 с.
3. *Ревенко, И. В.* Языковая категория интенсивности и ее экспликация в идиостиле В. Астафьева : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / И. В. Ревенко ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2004. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/yazykovaya-kategoriya-intensivnosti-i-ee-eksplikatsiya-v-idiostile-v-astafieva#ixzz77ytWrjc3>. – Дата доступа : 19.02.2021.
4. *Безрукова, В. В.* Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / В. В. Безрукова ; Воронеж. гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2004. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/intensifikatsiya-i-intensifikatory-v-yazyke-i-rechi>. – Дата доступа : 25.02.2021.

5. Лабзина, С. В. Слова «так» и «такой» в современном русском языке – их синонимика и изофункциональность : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / С. В. Лабзина; Ростов. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д, 2005. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/slova-tak-i-takoy-v-sovremennom-russkom-yazyke-ih-sinonimika-i-izofunktsionalnost>. – Дата доступа : 23.02.2021.

6. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 1. – 1232 с.

7. Якищенко, Е. А. Возмущающаяся языковая личность: коммуникативно-прагматический подход (на материале английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Якищенко ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2014. – 19 с.

Поступила в редакцию 11.11.2022